

Голоса

Тору Мотидзуки

С момента отъезда Яреци прошла уже практически неделя, и за все это время Тору появлялся дома только для того, чтобы перекусить и сразу завалиться спать. Вся его научная работа была оставлена на неопределенный срок, уступив место работе физической. С учетом большого количества выходных в начале мая у многих желающих углубиться в изучение воинских искусств и наличия у него свободного времени, Тору договорился о серии интенсивных тренировок, на которых и пропадал до позднего вечера пока Яри не вернулась Россию, что, собственно, должно было произойти уже следующим утром. И к чему он, по большому счету, не успел нормально подготовиться.

Поскольку сегодня был последний день запланированных тренировок, Тору долго не отпускали, заваливая вопросами, так что дома он оказался около половины одиннадцатого вечера. Осмотрев квартиру и убедившись, что ее внешний вид оставляет желать лучшего, а холодильник пугает своей пустотой настолько, что кажется, будто здесь никто не живет, Мотидзуки понял, что у него остается всего несколько жалких часов, чтобы исправить ситуацию. Яреци прилетала около пяти утра, и он обещал встретить ее в аэропорту, до которого еще нужно было добраться. Так что если он собирался потратить оставшееся время не только на уборку и поход в магазин, но еще и на сон, то ему следовало поторопиться.

Поразмыслив, начать Тору решил с посещения находящегося неподалеку круглосуточного продуктового магазина, так что, сбросив сумки, выскочил из квартиры и в хорошем темпе проследовал по уже хорошо знакомому маршруту. Но не успел он проделать и половины пути, как услышал звонок находящегося у него в кармане телефона. Подумав, что это может быть Яреци, Тору притормозил, вытащил мобильный и с удивлением обнаружил, что странный номер, с которого звонят, не имеет к его девушке никакого отношения. Но что-то в этом номере было такое, что Тору просто не мог его проигнорировать, а потому, чувствуя, как к горлу подкатывает комок, нажал на кнопку ответа и приложил телефон к уху.

- Дядя, это ты? - Раздался откуда-то издалека, который, как он понял, принадлежал его младшему племяннику Джуну. - Я этот номер еле нашел. Ты вообще читал электронную почту? Я же тебе писал... Дед... Он умер. Вчера были похороны. Бабушка... Я уверен, что она ждала тебя до последнего. Эх, дядя...

Джун замолчал, и Тору оглушенный неожиданными новостями, не знал, что сказать ему в ответ.

- Я... Спасибо что позвонил. Прости, я свяжусь с тобой потом...

Не в силах больше выносить ожидания, где-то на другом конце, Тору отключился и, словно во сне, опустил руку с телефоном. Он прекрасно понимал, что его родители далеко не молоды. Но то, что этот упрямый старик может уйти из жизни, пусть и в свои семьдесят девять лет, казалось ему чем-то совершенно абсурдным. Этого просто не могло случиться... Не с ним... И уж точно не в той ситуации, когда он за

десять лет не сказал своему младшему сыну ни единого слова...

Тору Мотидзуки

После звонка прошло уже около десяти минут, а Тору так и не смог полностью осознать сказанное племянником. В Японии сейчас было раннее утро и перед его глазами пролетали картины из прошлого, как его мать встает, тщательно приводит себя в порядок и начинает готовить завтрак, чтобы к тому моменту, как проснулся отец, в доме уже стоял аромат свежеприготовленной еды... Только вот отцу больше не суждено было проснуться. Вчера состоялись похороны, на которых он не был. Он настолько оторвался от семьи, что, когда возникла необходимость, его просто никто не смог вовремя найти... Он всегда считал себя плохим сыном, но на деле вышло, что он себе еще очень льстил.

Тору напрочь забыл о магазине и просто брел туда, куда несли его ноги. Он не знал сколько времени он уже находится в пути, как и куда он идет. Временами дорога казалась ему знакомой, словно он уже раньше проделывал этот путь. Хотя в этом не было ничего удивительного, они с Яреци часто гуляли в округе, и она показывала все так или иначе значимые для нее места. В какой-то момент ему показалось, что он больше не может никуда идти. Тору остановился, прислонился спиной к ближайшему зданию и прикрыл глаза. Мотидзуки не интересовало, как на его странное поведение могут отреагировать случайные свидетели этой сцены. Ему сейчас и вовсе было плевать на все, кроме пугающей, грызущей его изнутри пустоты, напоминающей обо всех совершенных ошибках, которые он, в силу обстоятельств, уже никогда не сможет исправить.

В реальность его вернули незнакомые голоса, раздражающие своей резкостью, назойливостью и нездоровым позитивом. Тору приоткрыл глаза и обнаружил рядом пару подвыпивших местных жителей, судя по выражению лиц, совершенно довольных жизнью. Он практически ничего не понимал из того, что они говорили, но учитывая часто повторяющееся в их речи слово "Россия", они пытались донести до иностранца, как ему повезло, что он попал в такую замечательную страну. И если эти два еще достаточно молодых мужчины были настроены по отношению к нему вполне доброжелательно, то самого Тору уже один их вид приводил в ярость. А потому он сделал то, на что никогда бы не пошел в другой ситуации - послал куда подальше и их и эту самую замечательную Россию.

То ли любители общения с иностранцами понимали японский, то ли язык ругательств оказался универсальным, то ли их насторожил тон, которым он с ними разговаривал, но веселые ребята резко замолчали, подошли на расстояние вытянутой руки и начали бросать на него не самые приветливые взгляды. На что Тору не стал сдерживать рвущуюся наружу злость и повторил сказанное еще раз, теперь уже на английском, чтобы увеличить вероятность быть правильно понятым гостеприимными жителями российской столицы.

Не успел он договорить, как в его сторону полетел кулак, видимо, призванный проучить в конец охамевшего иностранца. Тору никогда не испытывал особой любви к рукопашному бою, предпочитая эстетику работы с холодным оружием, но сейчас возможность нарваться на хорошую драку была именно тем, что ему не хватало, чтобы хоть как-то выплеснуть накопившиеся эмоции. Его потенциальные противники

были крупнее и тяжелее, но у них явно не было его опыта поединков и такой же хорошей скорости и координации движений, которая к тому же наверняка ухудшилась после принятия изрядной порции алкоголя. Поэтому, без особого труда уйдя с линии атаки, Тору вышел противнику в бок, стараясь не упустить из виду и движения второго и, неожиданно пробил ему в челюсть с левой руки.

Характерный звук и возмущенный вопль приятеля пострадавшего возвестили о том, что удар у него получился, что окончательно похоронило возможность решить проблему мирным путем. Когда у него в руках было оружие, ему приходилось работать против нескольких противников сразу, а вот в рукопашную против двоих он выходил впервые. И хотя принципы работы были очень похожи, ему понадобилось время, чтобы научиться правильно рассчитывать расстояние до целей, не просто эффективно уходя от атак и не позволяя кому-то из них выйти ему за спину, но и нанося время от времени быстрые проникающие удары. Последнее было особенно непросто с учетом того, что он проигрывал не только в ростовых показателях, но и длине рук.

Один раз ему все же не удалось полностью избежать атаки одного из противников. Кулак черкнул по его лицу, рассекая бровь чем-то металлическим, похожим на кольцо с широкими и достаточно острыми гранями. И пусть в этой бесславной битве, длящейся от силы минуту, один из противников уже оказался на земле и, судя по его виду, был готов признать свое поражение, потихоньку сочащаяся кровь начала создавать некоторые неудобства. Так что со всем творящимся безобразием стоило покончить как можно скорее, пока обычная драка не переросла во что-то серьезно угрожающее здоровью и жизни ее участников.

Моррис Фернандес

Последнее время синьору Фернандезу было тоскливо, одиноко и грустно. Дочь несколько дней назад уехала с институтом во Францию смотреть на знаменитую "Джоконду", Лаура не хотела с ним общаться, её сильно подкосила смерть бабушки, а он приехать не мог на похороны. Ему не хотелось обременять дочь, звонить ей по вечерам, чтобы болтать, ведь он так никогда не делал раньше, а сейчас она могла себе что-то напридумывать, сорваться из Франции и прилететь к нему. Он не хотел её тревожить. Поэтому он завалил себя работой и почти не вылезал из посольства. Сначала работал на кухне, готовя обед работникам, потом убирался и занимался административно-хозяйственной работой. Иногда получалось так, что приходил в семь утра и уходил в одиннадцать вечера. Дочь бы убила его за такое отношение к своему здоровью, но так хотя бы не лезли в голову неприятные мысли.

Но иногда ему хотелось просто всё бросить и уехать отсюда. Оставить дочку, понять, что его малышка выросла и не нуждается в его опеке, что у неё своя жизнь и свои ошибки. Нельзя вмешиваться в жизнь своих детей, если видно, что они счастливы и любимы. Яреци была счастлива со своим японцем, и он, после некоторых колебаний, принял его в свою семью. По крайней мере, это было лучше, чем её никчёмные мальчишки-одноклассники, с которыми и поговорить-то не о чем. А здесь был человек умный, образованный. И дело не в возрасте избранника любимой дочки, дело в чём-то другом. Это было что-то неуловимое, настолько ничтожное, что нельзя было определить это. Так было и у Гильермо, только он не увидел этого "чего-то" и упустил возможность общаться с дочерью и её мужчиной. Там разница

была почти сорок лет...

Часы показывали одиннадцать вечера, и Моррис решил всё-таки отправиться домой. Дочка обещала завтра вечером зайти домой, чтобы рассказать ему про свою поездку во Францию, и ради этого Моррис взял себе выходной, чтобы выспаться, что-нибудь приготовить. А то ведь прицепится со своими нотациями, что он не следит за своим здоровьем.

А вообще иногда посещали его мысли уволиться. Как он понял - жена не хочет сюда возвращаться, а он... ну вот не могут они больше найти нормального мексиканского повара - у них паранойя. Как-то кого-то пытались отравить, и теперь только ищут профессионалов. Но профессионалы не будут менять свою работу на вот это безобразие. И он бы не поменял, не будь он любимым человеком Лауритты, которая по работе отправилась сюда. Не хотел её бросать...

Он вышел на улицу, прошёлся по территории и вышел за ворота. Со стороны города стояли полицейский, которого приставили охранять периметр посольства, и его сменщик. Обоих парней Моррис знал прекрасно, относился к ним хорошо, иногда приносил им с кухни еду.

- Господин Фернандез, - обратился к нему один парень, - а правда, что город Сьюдад-Хуарес самый опасный в мире?

- Да.

- А вы там были? Там действительно полицейским раздали рогатки вместо пушек?

- Нет, я там не был. Но да. он опасен. Там часто происходят заказные убийства. Несколько лет назад за один месяц было убито почти двести человек. Рогатки, насколько я знаю, раздали в другом городе.

Их разговор был прерван каким-то шорохом, и стонами с правой стороны от забора. Полицейские побежали туда, и Моррис последовал за ними - вдруг нужна будет помощь. Представившаяся картина не вызвала у него удивления - была простая пьяная драка, какие бывали тут иногда, если бы не фигура одного человека. В тусклом свете фонаря с разбитым плафоном Моррис увидел профиль лица. Японец. Парни тем временем вытащили дубинки и стали наносить удары, пытаясь прекратить это безобразие. Один из дерущихся, тот, что лежал на асфальте, убежал, а второго повалили на асфальт лицом и надели на него наручники. С третьим лицом, который был японцем, поступили также. Один из парней стал по рации вызывать подмогу, а Моррис подошёл к японцу и опустился перед ним на корточки. Это был Тору Мотидзуки, и мужчина выгнул бровь, удивившись этому.

- Я его знаю. Отпустите его, - сказал он одному. - Я понимаю, что это незаконно, что драка. Я читал КоАП, но, уверен, что мы можем справиться с этим недоразумением. Он иностранный гражданин...

Моррис долго разговаривал с ними, и наконец с Тору сняли наручники. Приехавшая патрульная машина забрала только русского подвыпившего парня, а Фернандез сказал, чтобы со всеми вопросами по поводу иностранца обращались лично к нему.

Когда всё стало тихо, и им никто не мог мешать, он посмотрел на Тору.

- Вставай и иди за мной, - в голосе холод и сталь. - И не думай сбежать. У тебя уже проблемы есть с законом, не думаю, что надо усугублять.

И он направился в сторону дома.

Тору Мотидзуки

Когда пелена ярости начала потихоньку спадать, до Тору стала доходить вся абсурдность сложившейся ситуации. Он, находясь в чужой стране, спровоцировал местных жителей, которые изначально не желали ему никакого зла, на драку. И не потому, что те его оскорбили или сделали что-то дурное, а потому, что просто оказались не в том месте и не в то время. И, самое печально, даже осознав это, он уже не мог остановиться, поскольку как минимум один его противник был совершенно не готов идти на мировую.

Неизвестно, чем закончилась бы драка, если бы не самое гуманное вмешательство со стороны представителей закона. Несколько болезненных ударов быстро опустили его до уровня гопника-дебошира, которого следовало усмирить, вызывая кривую усмешку и желание, чтобы один из ударов пришелся по голове, отключая его от этой отвратительной реальности. Когда его били Тору не сопротивлялся, также как и когда на него надевали наручники. Он просто молчал и практически не шевелился, чувствуя, что его постепенно накрывает апатия, пришедшая вслед за выплеснувшейся наружу яростью. И окончательно не погрузиться в это состояние помогло только появление перед ним человека, который уж никак не должен был видеть его в таком плачевном состоянии.

Тору не сразу понял, какая шутка судьбы принесла Морриса Фернандеза посмотреть на уличную разборку, а сообразив, что неосознанно выбрал знакомую дорогу и пришел к мексиканскому посольству, куда его несколько раз приводила Яреци, чуть не застонал в голос. Вместо приличных темных подворотен он выбрал для драки место, где его чуть ли не со стопроцентной вероятностью могли на этом деле подловить и, что хуже всего, опозорился перед Моррисом, наладить отношения с которым и так стоило немалых трудов.

Пока он занимался самобичеванием, отец Яреци о чем-то договорился с полицией, и, итоге его отпустили, хотя Тору уже и не верил в подобное развитие событий. Холодный голос Морриса не обещал ничего хорошего, но он не стал с ним спорить, просто кивнув и молча отправившись следом. Во всем произошедшем был виноват только он сам, и если сегодняшнему событию было суждено перечеркнуть весь прогресс в отношениях с отцом Яри, Тору собирался это принять. Раз он не смог стать хорошим сыном, но, наверное, было глупо надеяться, что из него получится хороший зять.

Моррис Фернандез

В свете очередного тусклого фонаря он остановился и обернулся. Подошёл к мужчине и поднял его голову за подбородок. Повернул так, чтобы свет падал на рассечённую бровь, и покачал головой, видя струйку крови. Покопался в портфеле и достал пачку бумажных платочков. Протянул один Тору и стал набирать сообщение

дочери.

Напиши номер рейса и время прилета. Тебя встретит Гильермо. Он отвезет тебя в вашу квартиру.

Буквально через несколько секунд пришло ответное сообщение с номером рейса, а потом, ещё через несколько секунд, другое:

Что-то случилось? Почему меня встретит не Тору? Что-то с ним случилось?

Мужчина глубоко вздохнул, решив не отвечать на сообщение и позвонил другу. Тот трубку взял практически сразу. Моррис обрисовал ему ситуацию, попросил проследить за Яри и отключил телефон. Потом снова посмотрел на молодого человека, ещё раз покачал головой и направился дальше, кивнув ему, чтобы он следовал за ним. Он хотел ему высказать много всего, ему не нравилась эта ситуация, он хотел выразить своё недовольство всем произошедшим, но пока решил этого не делать, видя на отстранённое выражение лица спутника. Моррис был уверен, что Тору не из тех людей, которые просто так пускаются во все тяжкие. Из объяснений задержанного он понял, что они с другом подошли познакомиться с иностранцем, а тот в грубой форме послал их матом. Ну Ржавый и не сдержался. Задержанному грозит арест на двое суток, административный штраф, а Тору, если бы Моррис не вмешался, могла грозить ещё и депортация. Сначала разбирательство, потом они свяжутся с посольством Японии, и всё закрутится. А уж если у Тору в данный момент нет паспорта... В общем, все отделались незначительными потерями. Моррису повезло, что это произошло недалеко от посольства, что охраняют территорию такие славные парни, которые всё поняли и передали патрульным только задержанного.

Сигнал мобильного телефона, возвещающий о том, что пришло сообщение, выдернул его из мыслей, и он прочитал сообщение.

Папа, я не могу дозвониться до Тору... у него телефон не отвечает. Что с ним? Я сейчас в самолёте, но...прошу, ответь, что с ним ничего не случилось

Он набрал номер дочери и, когда она взяла трубку, вздохнул и посмотрел на Тору.

- С ним всё хорошо, милая. Просто он не может встретить тебя. У него завтра рано утром тренировка, и он попросил меня тебя встретить. Так что не переживай. Хорошего тебе перелёта.

И он, не дав девушке что-то сказать, отключил телефон. Он не любил врать, делал это очень редко. Сейчас был один из случаев, когда нужно было соврать. Дочь будет переживать за Тору, если не будет думать, что с ним всё в порядке. Он не был уверен, что его сообщение её успокоит, но по крайней мере, она спокойно перенесёт полёт и не будет впадать в крайности. А когда она будет у Гильермо, то он решит, что делать дальше.

Они вошли в подъезд и поднялись на нужный этаж. Моррис открыл дверь и посмотрел на гостя. Платок пропитался кровью, и он покачал головой.

- И как же тебя так угораздило? - проворчал он. - Тебе повезло, что патрульные оказались адекватными и не забрали тебя в обезьянник. Иди умойся и сядь на табуретку, я осмотрю твою рану.

Говорил он по-прежнему ледяным тоном, со стальными нотками. Он понимал, что ночь будет тяжёлая, был уверен, что Тору может потребоваться его участие, но... он пока не знал, какую тактику поведения с ним выбрать, поэтому решил действовать по ситуации. Поэтому сейчас решил заняться насущной проблемой - остановить кровь. А потом заниматься всем остальным.

Тору Мотидзуки

Хотя сейчас Тору уже прекрасно понимал, по какой дороге идет, он предпочитал не смотреть по сторонам, ориентируясь только на прямую напряжённую спину Морриса. Так что, когда тот резко остановился и повернулся к нему, чтобы осмотреть ранку, Мотидзуки с трудом затормозил и, лишь приложив некоторые усилия, умудрился не врезаться в своего спасителя. Бумажные платочки он принял с благодарностью. Сочащаяся потихоньку кровь уже успела ему порядком надоесть, подтверждая, что не зря рассечение брови считалось среди ряда его знакомых одним из самых неприятных мелких повреждений, требующих к себе внимания. А так у него появлялась возможность хоть как-то прекратить это безобразие.

Наблюдая за тем, как Моррис пишет сообщения и разговаривает по телефону, Тору сделал предположение, что тот решает вопрос о встрече Яреци в аэропорту. Скорее всего, вторым, с кем он разговаривал, судя по тону, как раз и была Яри, поэтому за девушку он мог не беспокоиться. Да и то, что она не увидит его в таком состоянии, тоже было к лучшему. Хотя она, со свойственной ей привычкой придумывать всякие ужасы, уже наверняка успела нарисовать в своем воображении картину его холодного трупа, валяющегося где-нибудь в подворотне.

До квартиры Морриса они добрались достаточно быстро и, следуя указаниям хозяина, Тору, разувшись и сняв куртку, сразу проследовал в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок. Зеркало над умывальником показало ему незнакомое осунувшееся лицо, со следами крови вокруг рассеченной брови, спускающимися мимо глаза к скуле, с обладателем которого он и сам бы предпочел лишний раз не встречаться. Так что первым делом Тору холодной водой умыл лицо и, только после того, как его отражение стало хоть немного похоже на человека, вернулся в отцу Яреци и сел на указанную табуретку.

- Благодарю вас за помощь, - голос Тору звучал глухо и совсем невыразительно. - И прошу прощения за доставленные неудобства. Все произошедшее - моя вина. Я был несдержан и спровоцировал людей на драку, так что мне нечем себя оправдать.

Тору опустил глаза и сцепил пальцы рук в замок. Он не знал, что добавить к своим словам. Рассказывать о смерти отца? В любом случае, это были его проблемы, и, чтобы ни произошло, он не имел права разрешать эмоциям брать верх и попадать в неприятности.

Моррис Фернандез

Пока гость приводил себя в порядок, Моррис достал аптечку, вытащил из неё всё необходимое, и надел перчатки. Он хоть никогда и не связывал свою жизнь с медициной, но ещё с раннего детства помнил слова отца, что при любой работе с раневой поверхностью нужно надевать перчатки или, за неимением таковых, обрабатывать руки спиртом. Со спиртом не задалось с самого начала, поэтому он предпочитал хранить перчатки. Да и к тому же в работе с продуктами питания рекомендуется использовать перчатки. Латексные или просто целлофановые. Ему нравились латексные, они и лучше сидели, и в них было удобнее работать. Моррис всегда соблюдал санитарные нормы, ведь чем ресторан известнее, качественнее и если у него есть звезда или он стремится к этому, то надо работать в перчатках. В общепитах тоже работают в перчатках, хотя это не принципиально. А вот на посольской кухне он не заморачивался с этим атрибутом...

Тору опустился на табуретку и стал извиняться за своё поведение. Голос, которым молодой человек говорил, был глухим, безэмоциональным, будто человек находится в апатии, либо его сломали. Переломили хребет, что-то отняли. Фернандес успел понять, что Мотидзуки не тот человек, который просто так будет бросаться с кулаками на кого бы то ни было. Может раньше, но сейчас он был сдержан, даже иногда слишком. И вывернуть всё таким образом могло только какое-то печальное событие, произошедшее в его жизни...

Он осмотрел ранку и обработал её перекисью водорода. Кровотечение остановилось, и он, заклеив ранку пластырем, снял перчатки, убрал перекись в аптечку и внимательно посмотрел на мужчину, думая, как поступить дальше.

- Не снимай пока пластырь и постарайся не мочить это место. Дня через три оно должно затянуться, - сказал он, вставая с другой табуретки. - Если хочешь поговорить, то я всегда открыт для разговора. Если хочешь молчать, то... можешь молчать и переживать свои проблемы один. Вот, возьми, тебе может пригодиться, - он достал из шкафа маленький надувной шарик, наполненный мелким песком, который можно было мять и делать из него разные фигурки. - Очень хорошо снимает стресс. А вообще пойдём, я тебе приготовлю чай. Приятная беседа намного ведь лучше одиночества.

Он не считал себя психологом, не умел утешать, он даже не знал, как подобрать правильные слова, когда у Лауритты умерла бабушка. Он сказал только "сожалею", и это простое слово вызвало у неё целую бурю эмоций и негодования. И с тех пор, уже месяц, а может и больше, она не разговаривает с ним, предпочитая сухие сообщения. Может, надо было тогда всё бросить, уехать в Мадрид и разговаривать с ней? Может действительно разговоры помогают пережить что-то значительное?

Он вышел из гостиной и направился на кухню. Включил чайник и посмотрел на часы. Половина первого ночи. Надо будет потом уговорить его поспать..

Тору Мотидзуки

Пока Моррис обрабатывал ранку, Тору просто молчал, стараясь ему не мешать. То, что отец Яреци с ним возился, как с нашкодившим мальчишкой, вместо того, чтобы просто послать его куда подальше, и так было невероятным везением. Хотя, дело здесь, скорее, было не в везении, а в самом характере Морриса, высоко

поднимающего планку того, как следовало себя вести достойному мужчине.

Медицинские процедуры не заняли много времени, и вот уже ему снова пришлось столкнуться с проблемой, что говорить и говорить ли вовсе. И хотя отец Яри разрешил ему хранить молчание, Тору понимал, что он должен хоть как-то объяснить произошедшее, иначе он проявит неуважение к человеку, тратившему на него столько время и сил. Так что бестолково вертя в руках мячик, он проследовал за Моррисом на кухню, где уже успела состояться не одна их беседа, и прислонился к стене, не решаясь занять место за столом.

- Еще раз благодарю вас за помощь, - Тору постарался наполнить свой голос хоть какими-то эмоциями, чтобы показать искренность своих слов. - Я... Как вы понимаете, подобное поведение мне не свойственно. Просто... Я получил одно неожиданное известие из Японии и... В общем, я не смог должным образом контролировать свои эмоции. Надеюсь, эта ситуация не доставила вам серьезных проблем. Обещаю постараться сделать все, чтобы их компенсировать.

Тору замолчал и начал разглядывать данный Моррисом мячик, словно пытаясь понять, как тот оказался в его руках. Наверное, не стоило позволять себе слабости. Следовало не злоупотреблять гостеприимством Морриса, вернуться домой и подготовиться к приезду Яреци. Наконец, следовало связаться с Джуном и подробнее расспросить, что и как, пока в Японии утро и племянник был относительно свободен... Следовало... Но, почему-то даже необходимость "отлипнуть" от стены требовала от него немалых физических и моральных затрат, чего уж там говорить о дороге домой и решении бытовых вопросов.

Моррис Фернандез

Он внимательно смотрел на прислонившегося к стене молодого человека и думал, что делать дальше. Откровенная речь ничего толком не объяснила, но, наверное, в этом все мужчины одинаковые - каждое слово приходится вытаскивать клещами. Моррис очень не любил так поступать, он предпочитал делать что-то, чтобы человеку стало легче говорить. Все разговоры строятся на доверии и благоприятной обстановке. Обстановка была благоприятная, Моррис вообще любил смех, какие-то забавные дурачества, веселье и разговоры о чём-то незначительном. Например, как сборная Мексики по футболу играла в чемпионате мира какого-нибудь года. Или как строится стена между Мексикой и Штатами. Или о чём-то другом. В помещении этой не очень большой кухни витали разные разговоры и темы, вплоть до предсказаний индейцев майя о конце света, но не было здесь грусти. Мексиканцы вообще грустить не любят, они очень любят жизнь, всегда находят в ней что-нибудь забавное и весёлое. Конечно, призраки есть у каждого человека, все совершали ошибки, которые чего-то стоили, и иногда очень больно и страшно их вспоминать, анализировать...

Но вот доверия не было. Не привыкли люди доверять. И Моррис не доверял тоже какие-то вещи, которые творились на его душе. И Лаура, и Яреци, и вот Тору тоже не хотел довериться человеку. Не потому что Тору был слишком закрытым человеком или не потому, что Моррис внушал ужас, просто это было... нормально, если хотите. Но Фернандез знал по себе, что далеко не всё можно держать в себе, не рассказывая никому о том, что терзает душу.

- О моих проблемах мы поговорим потом, - просто сказал Моррис после долгого молчания, глядя на то, как Тору теребит мячик с песком и явно о чём-то думает. - Я понимаю, что ты не хочешь говорить об этом, поэтому я не буду ничего у тебя выпытывать. Но я предлагаю тебе оторваться от стены, она не упадёт, и выпить чаю. Он придаст сил и очистит сознание... Думаю, потом тебе надо будет поспать. Как ты понимаешь, я не могу тебя отпустить никуда в такое время и в таком состоянии. Ты пока пей чай, а я пока постелю тебе в гостиной.

Поставив чашку с ароматным чаем на стол, он вышел из кухни. Постелил бельё на диване в гостиной и положил одеяло. Подошёл к окну и закурил, выпуская дым на улицу.

Тору Мотидзуки

Снова не говоря ни слова, Тору не без труда оторвался от стены, сел на указанное место за столом и притянул к себе чашку, позволяя себе вдохнуть тонкий аромат напитка, бывшего неотъемлемой частью жизни его родительской семьи. В семье Мотидзуки всегда рождались одни мальчики из которых, не беря в расчет его самого, получались прекрасные бизнесмены, способные в кратчайшие сроки добыть деньги чуть ли не из воздуха. Но все менялось, когда дело доходило до чая. Те, кто еще недавно ценил только быстроту и эффективность и думал на языке цифр, за чашкой хорошего чая превращались чуть ли не в философов, способных потратить целый час на неспешные разговоры, зачастую не имеющие никакого отношения к работе.

Глоток горячего чая, принесший новую порцию воспоминаний обжог язык и напомнил, что сам-то он обычно предпочитал пропускать подобные собрания, считая их бессмысленными, а ведущиеся там разговоры -поверхностными. Хотя сейчас он бы много отдал, чтобы снова услышать хриплый отцовский голос, глубокомысленно рассуждающий о политике, а потом неожиданно переключающийся на то, какие цветы стоит посадить у дома.

Доносящийся со стороны гостиной, благодаря приоткрытым окнам, запах сигаретного дыма заставил его подняться с места и направиться в сторону Морриса. Как ни странно, этот запах тоже ассоциировался у него с отцом, хотя тот за свою жизнь не сделал ни одной затяжки, чем всегда очень гордился.

- Могу я одолжить у вас сигарету? - Вопрос оказался неожиданным для самого Тору, но, когда он был произнесен вслух, показался чем-то правильным и своевременным. - Я не курю со времен студенчества. Да и тогда, скорее, баловался, чем курил. Но, пожалуй, сейчас это именно то, что мне нужно.

Видимо запах табачного дыма смог сделать то, что не могли слова отца Яри, заставляя Тору почувствовать острую необходимость что-то говорить. Говорить, не отдавая себе отчет, для чего он это делает и понимает ли его Моррис.

- Отец как-то приехал ко мне в Токио без предупреждения и застукал меня с сигаретой. Он всегда был против курения, а потому сразу заявил, что если я не брошу, то он меня прибьет. А я на это ответил, что у него ничего не получится,

поскольку он намного старше, слабее и, в отличие от меня, ничего не смыслит в боевых искусствах. Тогда он заявил, что лишит меня наследства, а я ответил, что и так от него давно отказался... Мы оба были упрямыми, спорящими по любому поводу... Жаль, что я потерял последнюю возможность хоть раз с ним в чем-нибудь согласиться...

Моррис Фернандес

Скрип пола заставил его повернуть голову и посмотреть на Тору, который все еще выглядел как зомби. На просьбу закурить Моррис пожал плечами, подвинул пачку сигарет и распахнул окно шире. Ему было без разницы, курил Тору когда-то или нет, это личное дело каждого. Он взрослый человек, может сам решать, что делать и не делать. Хотя, вероятно, если бы Тору был ровесником его дочери, то Моррис не разрешил бы курить.

Тору начал говорить об отце, и Моррис слушал его, не перебивая и кивая головой, показывая, что он не только слушает, но и слышит. Качество, которым обладают немногие. Моррис любил слышать, что говорят, он запоминал это, старался быть полезным слушателем или участником разговора. Сейчас Тору был нужен не только слушатель, но и собеседник. Моррис так думал, потому что слова, которые говорил Тору о курении, о наследстве, о том, что не сможет с отцом больше согласиться или поспорить вызывали в его душе какие-то непонятные чувства. Он затушил сигарету, посмотрел на Тору и осторожно положил руку на его плечо и слабо сжал, показывая, что поддерживает его, и он, Тору, не одинок в своей горе. Потом убрал руку и подошел к серванту. Достал бутылку виски и два стакана. Вернулся к подоконнику.

- Я начал курить лет в восемь. Мексика - бедная страна, в моем детстве было очень много беспризорников. Я связался с такими ребятами, они меня научили драться, пить и курить. Потом отец мне такую взбучку устроил, наверное его крики были слышны не только в Мехико, - он усмехнулся. Плеснул немного виски в стакан. Подвинул один собеседнику. - Я курил до двенадцати. Тогда я встретил Лауритту. К ней приставали хулиганы, и я их раскидал. Она как только узнала, что я курю, стала мне читать нотации, принесла какой-то журнал и долго мне рассказывала о вреде курения.

Да, это было прекрасное время, о котором он вспоминает редко. Точнее, последний раз он об этом вспоминал больше двадцати лет назад, когда летел через океан искать себе работу. Он не знал, чем было вызвано это воспоминание, но, может быть, атмосферой. Тору сильно переживает смерть отца, это видно. Может попробовать вытянуть воспоминания, которые не будут причинять боли?

- И ты не бросил? - спросил Моррис после некоторого молчания и выпил свои виски.
- Ничего, что без закуски?

Тору Мотидзуки

Тору воспользовался разрешением Морриса и вытащил из пачки одну сигарету. Он не был уверен, что его организм одобрит подобные эксперименты после длительного перерыва, но на этот раз желание снова оказалось сильнее здравого смысла, и, взяв лежащую рядом с пачкой зажигалку, Мотидзуки сделал то, что не делал уже около шестнадцати лет - прикурил. Забытый горьковатый привкус и

характерное першение в горле заставили остановиться на одной затяжке и просто наблюдать за тем, как огонек медленно приближается к его пальцам, время от времени стряхивая пепел. Но даже этого зрелища было достаточно, чтобы хоть немного уменьшить чувство пустоты и бессмысленности всего происходящего.

Когда рука отца Яреци оказалась на его плече, Тору сначала напрягся, но потом прочувствовал смысл этого жеста и расслабился. Моррис был достаточно умным человеком и, судя по его реакции, прекрасно понял, что стояло за словами непутевого избранника его дочери об отношениях с отцом. Иначе бы не вернулся к подоконнику с бутылкой виски, предлагая разлить одно горе на два стакана.

- Значит вы вместе с женой с самого детства? - Тору не ожидал, что Моррис решит поделиться с ним настолько личными вещами, и снова испытал чувство благодарности, на этот раз за оказанное доверие. Его родители тоже познакомились, когда были еще школьниками и не расставались шестьдесят три года. Трудно было даже представить, как себя чувствовала мать, потеряв человека, рядом с которым прошла вся его жизнь. Хорошо, что помимо младшего блудного сына у нее еще имелась пара вполне приличных и несколько внуков, один из которых оказался настолько удачным, что умудрился понравиться даже ему.

- Бросил, конечно. Но не потому, что мне запретили. Просто курение плохо сочеталось с постоянными тренировками. - Тору последовал примеру Морриса и влил в себя обжигающую жидкость. - А то, что без закуски... Так даже хорошо.

Алкоголь пошел лучше, чем он ожидал, принося приятное ощущение тепла. Пожалуй, отцу Яреци своими словами и действиями удалось пробить брешь в его броне и породить готовность поделиться чем-то сокровенным, что он обычно предпочитал оставлять при себе.

Моррис Фернандез

Он разлил виски по стаканам и взял свой в руку. Посмотрел на плещущуюся коричневую прозрачную жидкость, потом посмотрел в окно. Было темно и, кажется, пошёл дождь. Главное, чтобы не снег. Хотя иногда и такое бывает, и даже в июне снег выпадает. Это, конечно, редкость, но в этой стране ничего удивительного нет. В некоторых регионах вообще лета нет. Месяц, и всё. Тяжело жить в таких условиях, особенно если ты из какой-нибудь жаркой страны типа Мексики, где снег лежит в основном в горах, да и то не всегда. Лауре не нравилось здесь, и теперь она была счастлива, что вернулась в тёплую солнечную Испанию.

- Детство мы провели вместе, а потом её родители уехали в Испанию, и мы не виделись с ней... лет двадцать, наверное. А потом я случайно оказался в Испании, мне там предложили работу в ресторане, и однажды вечером я увидел, как у Лауры какой-то отморозок пытается отнять сумочку. С тех пор мы не расставались. Она была секретарём посла, и его отправили сюда. Мне нравилось путешествовать, поэтому я принял за честь приглашение, а вот она... ей здесь было не комфортно. Мы ссорились, пару раз она хотела разорвать наши отношения, а потом у нас родилась Яри. И она очень быстро вышла на работу... ей нужно было чем-то заниматься...

Он замолчал, задумчиво глядя на стекающие по стеклу дождевые капли. Криво усмехнулся и закрыл окно, когда Тору затушил свою сигарету. Представил, как дочь будет читать нотации по поводу вреда курения. В этом она была точной копией своей матери, она тоже не любила сигаретный дым.

- Твой отец был против, что ты решил заниматься изучением боевых искусств? И с тех пор вы не разговаривали? - Задал он вопрос, что называется, "в лоб". Вероятно, так поступать не стоило, но ему казалось, что это позволит молодому человеку хоть как-то избавиться от накопившегося груза. Моррис по себе прекрасно знал, что бывает, когда не с кем поделиться чем-то, что терзает душу. Самого Морриса, как это ужасно не звучит, больше всего подкосила не смерть родителей, с которыми очень долгое время были натянутые отношения, а получение травмы на соревновании. И он не знал, что бы сейчас с ним стало, если бы не малышка Яри, которой на тот момент было всего пять лет.

Он вздохнул и снова криво усмехнулся. Да, кажется, ночка обещает быть долгой. Надо будет действительно попросить Гильермо отвезти Яреци в её с Тору квартиру и, вероятно, остаться там до вечера.

Тору Мотидзуки

Раньше Яреци немного рассказывала об отношениях своих родителей и как-то упоминала, о ссорах, которые чуть не привели к их расставанию, и теперь Тору стали понятнее причины этих ссор. Перемены в жизни практически всем давались непросто и часто, связанные с ними проблемы переносились на самых близких людей устраивая хаос в их отношениях. И раз уж Моррис решил с ним поделиться столь личными вещами стоило сделать правильные выводы и не допускать подобных ошибок в своей жизни.

- Нет. В том что касалось укрепления тела и духа меня только поддерживали. - Тору осушил очередной стакан, незадолго до этого заботливо наполненный отцом Яреци.
- А вот мое чрезмерное увлечение историей воинских искусств при полном отсутствии интереса к семейному бизнесу вызывало непонимание и резкую критику. Мне говорили, что я должен мыслить более практично. А я так с этим и не согласился и, в итоге, уехал учиться в Токио, вызвав первый большой семейный скандал.

Тору грустно усмехнулся. То, что называлось грандиозным скандалом в его семье, со стороны таковым совсем не казалось. Это из-за мелочей можно было спорить и кричать, но когда дело доходило до чего-то серьезного, никто даже не повышал голоса, хотя висящее в воздухе напряжение было таким плотным, что казалось его можно резать ножом.

- Но даже после этого мы общались. Хотя, как обычно, не слишком хорошо. Когда я начал добиваться успеха, познакомился с высокопоставленными людьми и женился на девушке из влиятельной семьи, отец даже практически признал, что выбранный мной путь тоже не так уж и плох... А вот когда я отказался от карьеры и развелся с женой - это стало последней каплей. Какое-то время меня еще пытались образумить, но потом поняли, что это бесполезно. А однажды, около десяти лет назад, отец позвонил и сказал, что кроме фамилии нас с ним больше ничего не

связывает. Вскоре после этого я покинул Японию и с тех пор туда не возвращался, как и никогда больше не разговаривал с отцом.

Тору и сам не ожидал, что так разоткровенничается. Даже Яреци он никогда не рассказывал так много о своем прошлом, но видимо обстановка сыграла решающую роль, позволяя поделиться с человеком, с которым он до этого встречался всего несколько раз в жизни, тем, чем не мог с теми, кого знал годами.

Моррис Фернандес

Все совершают ошибки, людей, которые не совершали ошибки, вообще не. Слушая Тору, Моррис допил свои виски и снова наполнил стаканы, хотя перед тем, как плеснуть этот горячительный напиток своему собеседнику внимательно посмотрел на него. Возможно, молодой человек не привык много пить, да и злоупотреблять не стоит, вдруг организм отреагирует как-то не так, как должен, и понесёт Тору рассказывать о себе ещё что-то, о чём бы он никогда не сказал в другой ситуации. Или же действительно в этом словесном потоке было выплеснутое всё накопившееся за последние годы одиночество. Это он, Моррис, может выпить много и почти не опьянеть, чем постоянно вызывал шквал критики от родителей, особенно от отца. Но это ему не мешало жить так, как он хотел. Не мешало стать шеф-поваром в ресторане.

Моррис не удивился о том, что у Тору раньше была жена, поэтому просто молча кивал, мол, все слова услышаны, он его понимает и поддерживает. С этими разговорами можно было рассмотреть разные стороны души Тору, и с каждым произнесённым молодым мужчиной словом, достаточно тяжёлым, судя по грустной ухмылке и не совсем уверенному тону, Моррис понимал, что этот человек ему всё больше нравится. Он был живым, с ним можно было разговаривать, он сам спокойно, хоть этого никто и не ожидал, говорил о том, что лежало на его душе. Моррису нравились такие качества в людях. Они были живыми. Со своей историей.

- Я понимаю, - просто ответил Моррис, когда молчание затянулось. Пока он не знал, как комментировать всё сказанное молодым человеком, и стоит ли это делать. Наверное, стоит пока молчать и слушать. Тору выскажется, и ему станет легче. Он будет иначе смотреть на ситуацию, сможет трезво мыслить и, возможно, груз от этой потери не будет слишком тяжёлым. Не будет его грызть изнутри осознание того, что из-за какого-то пустяка отец перестал с ним общаться.

Он снова положил руку на его плечо и легонько сжал, показывая, что слушает, помогает, морально поддерживает. И не будет перебивать, если Тору захочет ещё что-то сказать...

Тору Мотидзуки

Моррис не комментировал его слова, только слушая и кивая, но даже эти нехитрые действия позволили Тору ощутить поддержку с его стороны и, что самое главное, отсутствие осуждения. Раньше он боялся делиться с отцом Яреци фактами биографии, касающимися его отношений с семьей или неудачным браком. Мало кто согласился бы доверить свою дочь человеку, не оправдавшему ожидания ни как сын, ни как муж. Но, похоже, его откровения Морриса ничуть не смутили и не вызвали желание отослать свою девочку к матери, чтобы та и думать забыла о

взрослых мужчинах с сомнительным прошлым.

Очередной стакан с виски оказался в его руке, и Тору на минуту замер, задумчиво смотря на жидкость сквозь стекло. Он не жалел о том, что, в той или иной форме, поделился с Моррисом своими переживаниями. Пожалуй, ему даже стало немного легче. По крайней мере, он уже не чувствовал себя разбитым настолько, чтобы привести Яреци в ужас, когда она вернется и обнаружит все это безобразие.

- Спасибо вам, Моррис. - Тору впервые назвал отца Яри по имени, и в данной ситуации подобная вольность показалась ему вполне уместной. - Я так понял, вы попросили кого-то встретить Яреци? Прошу прощения за доставленные проблемы. Я обещал вам взять на себя ответственность за вашу дочь, а, в итоге, не смог проследить даже за самим собой. И, боюсь, когда она вернется, то будет очень не довольна.

Мысль о Яреци, ругающей его за драку, употребление алкоголя, а, если узнает, то и курение, вызвала у него легкую улыбку. Именно лучика света, которым стала для него Яри, ему сейчас и не хватало, в его затянутой облаками жизни. Тору поднес к губам стакан и сделал очередной большой глоток. Если ему в ближайшем будущем все равно было суждено получить нагоняй от своей иногда не в меру заботливой девушки, то не стоило себе в ни в чем отказывать.

Моррис Фернандез

Некоторое время в гостиной у подоконника перед приоткрытым окном было молчание, прерываемое лишь ударами капель дождя о стекло. Потом Тору выпил свой напиток и заговорил. Фернандез посмотрел на его пустой стакан и вопросительно кивнул, мол, будешь еще? Себе пока наливать не стал, так как не привык пить в одиночестве. Он не обратил внимания, когда Тору обратился к нему по имени, а может сделал вид, что не заметил этого. Но так или иначе, он не был против, чтобы его хоть кто-то еще называл по имени.

- Что же вы, молодые, так любите за все извиняться? - усмехнулся он. - То Яреци всегда за все извиняется, то кто-то из парней в посольстве, вот теперь ты. Ты ведь не сделал ничего плохого. Ну подрался - с кем не бывает. Я тоже дрался. Один раз из-за драки у меня действительно чуть не было проблем с законом... Я никак не мог забыть Лауру, я даже не верил, что когда-то смогу ее увидеть. Мы с ней встретились, у нее была очень религиозная семья, живущая по возможным канонам церкви. Один из них - секс только после свадьбы. А она не соблюла его. А потом я попросил ее познакомить меня с родителями, - он усмехнулся и посмотрел в окно. Потом перевел взгляд на собеседника. - Её родители были против нашего брака, отношений. И однажды я просто не выдержал и напился. Короче, подрался я с ее отцом. Мне вообще было без разницы, с кем драться. А потом полиция, объяснительные. Меня чуть не депортировали обратно в Мексику. Но... ее брат меня вызволил. Он был высокопоставленным чиновником. В общем, нам дали добро на отношения...

Он замолчал и все-таки плеснул себе виски. И Тору тоже налил. Не любил пить в одиночестве.

- Ах да, Яри. Да, ее встретит мой друг, Гильермо. Он задержит ее дома столько, сколько потребуется. Не переживай, все хорошо.

Тору Мотидзуки

- Ну, я бы так сказал, что любовь к извинениям - вообще одна из характерных особенностей японской культуры. Я еще по сравнению с некоторыми представителями своей нации настоящий грубиян. Хотя и мне не раз приходилось сдерживаться при общении с иностранцами, которые поклоны и извинения считают признаками слабости и некоторого подобострастия.

Рассказ Морриса Тору не удивил. Он догадывался, что отец Яреци, когда был помоложе, давал волю своему мексиканскому темпераменту. И, пожалуй, им повезло, учитывая обстоятельства, познакомиться в то время, когда оба вошли в достаточно зрелый возраст, чтобы научиться контролировать большую часть своих порывов.

- Знаете, Моррис. Я рад, что в нашу первую встречу дело так и не дошло до использования кулаков. Хотя, признаться, в какой-то момент у меня начали появляться на этот счет нехорошие подозрения.

Учитывая их нынешнее общение, трудно было даже представить, что еще совсем недавно отец Яри заявил, что не желает его больше видеть. Да, пожалуй, жизнь умела преподносить сюрпризы, и, к счастью, некоторые из них оказывались вполне приятными.

- За Яреци трудно не беспокоиться. - Тору покачал головой и, в очередной раз, опустошил стакан. Похоже Моррис был настроен серьезно, снова и снова разливая виски. Да и он сам не имел ничего против небольшого злоупотребления алкоголем. По крайней мере последний, вместе с доверительным разговором, позволял сбросить часть накопившихся негативных эмоций.

- Не завидую вашему другу. Если она что-то вобьет себе в голову, то остановить ее практически невозможно.

Тору не сомневался, что Яреци, со свойственной ей подозрительностью, постарается выяснить, почему он не смог ее встретить, но надеялся, что для нее уже придумали какую-нибудь приличную историю, способную уговорить ее хоть на какое-то время.

Моррис Фернандес

Мужчина бросил взгляд на часы. Половина второго ночи. Время летит быстро, и спать пока не хотелось. Слишком много эмоций было в этом разговоре, подпитаны они были алкоголем. Моррис посмотрел на опустевшие стаканы, на бутылку, в которой виски осталось чуть меньше половины, и взял все это добро в руки. Молча кивнул Тору, чтобы перебрался на кухню, и направился туда. В ногах правды нет, как говорится. Поставив все это добро на стол, он сел на один стул и разлил спиртное по стаканам.

- В нашу первую встречу я повел себя некорректно, за что еще раз прошу прощения.

Я не должен был быть так резок. Дочка меня простила уже, но... возможно, она тебе говорила, что перед побегом к тебе в Китай я ей дал пощечину и прогнал из дома... она приняла это близко к сердцу, ведь я раньше никогда не поступал так с ней. Конечно, я... бы не стал с тобой драться. Потому что я тогда понял, что Яреци тебя не бросит. Она бы могла броситься под кулак, а скорость и реакция у меня уже не та, как раньше.

Моррис вспомнил, как однажды Яреци привела своего одноклассника знакомиться с ним. Вечер закончился дракой. И, что примечательно, Яреци не стала заступаться за своего друга. А вот за Тору заступилась...

Он вздохнул и усмехнулся, подумав над словами Тору о Яри.

- Ничего, Гильермо профессионал. Раньше он работал надзирателем в женской тюрьме. Сейчас он охраняет нашего дорогого посла. Ну и делает всю работу - привести, отвезти. Не бойся, он не причинит Яри вреда. Он относится к ней очень хорошо, ведь она выросла на его глазах. Так что он справится.

Тору Мотидзуки

Предложение перейти на кухню показалось Тору вполне уместным, поскольку сидеть на стуле, особенно после интенсивных тренировок и последовавшей за ними драки, было намного приятнее, чем стоять у подоконника. И если раньше они с Моррисом распивали здесь только чай, то появление на столе уже изрядно опустевшей бутылки виски прекрасно демонстрировало переход их отношений с отцом Яреци на новый, более доверительный, уровень.

- За то, что Яреци когда-нибудь бросится под кулак вместо меня, можете не волноваться. - Тору притянул стакан к себе. - У меня реакция, в любом случае, будет лучше, чем у нее. Хоть какая-то польза есть от многолетних тренировок.

Мотидзуки ненадолго задумался, пытаясь сообразить, сколько же лет он уже регулярно занимается с разными видами оружия и насчитал где-то порядка двадцати семи. Это цифра удивила его самого, поскольку в его изначальной школе тех, кому не было сорока относили к числу молодых мастеров, а в его представлении данный статус плохо вязался с реальным, как оказывалось, весьма значительным опытом.

- Я не сомневаюсь в способностях вашего друга и его хорошего отношения к Яреци, - Тору быстро покончил с очередной порцией виски и почувствовал, как в организме проявляются первые признаки опьянения, - но я уже неплохо успел изучить вашу дочь. Яри... Она ментальный маг. Причем, очень неплохой. И хоть она редко пользуется своими способностями в корыстных целях, меня бы не удивило, если бы она попробовала сделать что-то подобное в сложившейся ситуации.

Тору очень надеялся, что Яреци все же не станет прибегать к крайним мерам и решит хоть немного послушать разумного человека. Но стоило ли на это надеяться, когда она, только из-за своих снов разругалась с отцом и сбежала на другой конец света, потому что боялась за его жизнь и здоровье? По сравнению с этим побег из квартиры, с целью проверить, говорят ли ей правду, был сущей мелочью.

Моррис Фернандез

Содержимое бутылки подходило к концу, как и время ожидания прилёта самолёта. Хотя это не волновало Морриса. Он был уверен, что сможет протрезветь к тому моменту, когда Гильермо отпустит её домой. Сейчас его волновали разговоры с Тору о жизни. Такие, как обычно ведут русские мужики на кухне, нажравшись водки, закусив чем-то типа кильки или какой-то рыбёшки. Моррису не удавалось участвовать в таких разговорах, в которых чаще всего обычно слышишь вопрос "ты меня уважаешь?". Он слышал, что часто такие посиделки заканчивались либо мордобоем, либо другим криминалом. Но он не был русским, хотя возможности получить гражданство, выкупить эту квартиру и остаться здесь навсегда, у него были и есть, И Тору не был русским. И вообще Моррис не знал, какие у японцев бывают традиции распития алкогольных напитков. Но вот у испанцев и мексиканцев, которые частенько не прочь пропустить стаканчик-другой, обычно были весёлые и беззаботные разговоры. Криминала на этой почве случалось крайне мало.

Стаканы снова опустели, и Фернандез разлил остаток виски и отставил пустую бутылку. Посмотрел на молодого собеседника.

- У меня есть ещё, мне последнее время надали кучу алкоголя, самого разного. А так как распивать не с кем, то и не пью. Так что предлагаю распить ещё бутылочку, - он усмехнулся и, не дождавшись ответа, ушёл в гостиную. Достал бутылку виски другой марки и вернулся за стол.

- Я думаю, что Яреци не особо хочет развивать свои способности. Она любит находиться рядом с водными источниками. Я вроде рассказывал, как она прыгнула в бассейн. Но мы и не думали, что это это способность к стихийной магии. А вот потом, лет в шестнадцать, она изменилась. Она до этого не особо любила посещать шумные места, а потом стала жаловаться на головную боль. Лаура пыталась выяснить, что с ней, и она сказала, что её преследуют какие-то голоса... - Моррис хмыкнул и отпил немного напитка. - Лаура не поверила ей, решила, что та просто симулирует, чтобы не идти на какую-то сложную контрольную работу. Она ещё маме сказала про этот монастырь. То ли ей снился, то ли представлялся... Я уезжал во Францию на стажировку, а когда приехал, то Яри мне всё рассказала. Она была сильно напугана, мама не хотела её слушать. У них там даже был какой-то скандал. Я поискал информацию в интернете и нашёл про ментальную магию. Лаура до сих пор настороженно относится к этому. А мне всё равно. Главное, чтобы Яреци была счастлива...

Он замолчал и допил свои виски. Почему-то этот эпизод из жизни Яреци и семьи показался ему самым тяжёлым. Он посмотрел в окно, потом перевёл взгляд на собеседника.

- Расскажи что-нибудь о своем отце, тебе станет легче, груз будет не так тяжел, как если бы ты молчал...

Тору Мотидзуки

К тому моменту, как бутылка опустела, Тору уже начал ощущать, что момент, когда он изрядно наберется, приближается с опасной скоростью. Он пил редко и, преимущественно, немного, хотя некоторые его соратники еще по японскому додзе,

часто предпочитали заканчивать тренировки совместными посиделками с алкоголем. Но Тору никогда не любил больших шумных компаний, предпочитая отказываться от участия в подобных мероприятиях, если понимал, что из застольного разговора не сможет вынести ничего полезного. И вот сейчас отсутствие опыта регулярных возлияний значительно уменьшало его шансы продержаться так же долго, как и его мексиканский собутыльник.

Моррис вернулся с новой бутылкой, и Тору принял это как данность, не став делиться с отцом Яреци своими опасениями по поводу собственной алкогольной устойчивости. В конце концов не напьется же он настолько, чтобы ничего не соображать и снова опозориться перед потенциальным тестем. Хотя тот, похоже, был уже готов ко всему.

- Как я понял, понаблюдав за обитателями монастыря, пробуждающиеся магические способности доставляют немало хлопот, и справиться с этим без опытного наставника бывает очень трудно. Мне повезло, что я самый обычный человек, и все мои умения ограничиваются работой с разными видами оружия. Хотя при таком раскладе вообще непонятно, почему столь мирное существо, да еще с ярко выраженными магическими способностями, как Яреци, однажды занесло на мои занятия...

Яри как-то призналась, что интерес к нему, со временем переросший во что-то большее, у нее появился после посещения пары занятий. И поскольку после этого он больше никогда не видел ее с бо или вакидзаси, возникал закономерный вопрос, с чем был связан этот неожиданный всплеск любви к оружию, в итоге приведший его на небольшую уютную кухню где-то в далекой России.

-Я и не знаю, что рассказать об отце. - Тору горько усмехнулся. - Мне кажется, мы за всю жизнь с ним ни разу не говорили так долго, как сейчас с вами. Когда я родился, он всегда был занят. В то время его бизнес по продаже японской мебели, который он основал с нуля, переживал не самые простые времена и требовал его постоянного внимания. Потом, когда братья всему научились и стали ему помогать, трудный период закончился, но наладить наши отношения так и не получилось. Хотя, нужно отдать ему должное, Мотидзуки Рэн - упрямец и трудоголик, во всем, что не касалось меня, всегда добивался поставленных целей...

Моррис Фернандес

Яреци как-то рассказывала ему во время очередного телефонного разговора, что посетила занятия у, как она сказала, симпатичного мастера, на что он ожидаемо спросил причину интереса к оружию. Но она так и не смогла ответить, а потом и не рассказывала ему об этом. Он не думал, что ей понравится оружие, хотя в этом надо отдать должное старине Гильермо, который, оставаясь с ней, когда она была маленькой, рассказывал про пистолеты, ружья. Показывал ей даже настоящую пулю. Моррис знал об этих разговорах, сам частенько присутствовал, но Лаура до сих пор не знает, каким образом их любимая дочка познакомилась с Тору. Потому что Лауритта не очень хорошо относится ни к оружию, ни к Гильермо. Для неё всё было банально - случайно столкнулись и разговорились...

- Вероятно, ей хотелось чего-то нового? - Он пожал плечами. - Она в детстве

любила танцевать, пыталась играть на губной гармошке, но в садике она стала проявлять логическое мышление, а потом потянуло рисовать. Лаура ожидала, что Яреци станет или экономистом, или юристом. Но она больше любила рисовать, читать, мечтать, чем запоминать какие-то формулы. Мы с Лаурой часто спорили по этому поводу, и остановились на том, что пусть она сама решает, чем ей заниматься.

Моррис поймал себя на мысли, что за время этого разговора если и назвал жену любимой (или женой), то сделал это один раз. Сухое имя Лаура постоянно срывалось с его языка. Он поморщился и хмыкнул. Неужели такой с виду крепкий и прекрасный брак дал трещину в отношениях? Они же были идеалом для всех, в том числе и для дочки, но оказалось, что это просто оболочка. Вероятно, брак дал сильную трещину в отношениях после кончины её бабушки...

Стаканы снова опустели, и мужчина открыл новую бутылку. Он не чувствовал опьянения, но считал, что усугублять не стоит. Вероятно, ещё два или три стакана, и потом он отправит молодого человека спать. И сам, наверное, ляжет спать. Он снова наполнил стаканы, но налил меньше, чем раньше.

На некоторое время на маленькой и уютной кухне повисло молчание. Моррис не знал, стоит ли комментировать слова Тору об отце, или же просто молчать, в очередной раз давая Тору выговориться. Он на мгновение представил себя священником, к которому на исповедь пришёл человек, потерявший родителя, с которым не общался много лет, если не всю жизнь. Когда-то Моррис, ещё до разлуки с Лаурой, хотел стать священником, но воскресная школа показалась ему настолько скучной и тупой, что эту идею он выкинул. А Лаура ходила в воскресную школу. Впрочем, Моррис не был священником, он был простым человеком, который должен хоть как-то помочь другому простому человеку.

- Я думаю, что твой отец всё равно где-то в глубине души принимал тебя таким, какой ты есть, - задумчиво произнёс Моррис и выпил виски.

Тору Мотидзуки

Фраза про желание Яреци попробовать что-то новое вызвала у него совсем не те ассоциации, что, вероятно, были у Морриса. По факту получилось, что чем ближе девушка с ним общалась, тем больше нового для себя открывала, только касалось это уж никак не владения оружием. Разве что, в какой-то степени, тессенами. Но, пожалуй, озвучивать эти мысли вслух не стоило, чтобышний раз не привлечь внимание Морриса к определенным аспектам их отношений, о которых все, конечно, знали, но которые еще до сих пор могли вызывать некоторые вопросы из-за юного возраста Яри.

- Не представляю Яреци юристом или экономистом. - Тору покачал головой. - Она с ее эмоциональностью и непосредственностью и сухие цифры или законы... Это было бы так же странно и противоестественно, как если бы я согласился продолжить дело своей семьи.

Хоть голову начинало потихоньку подкруживать, Тору заметил, что порция виски в стакане заметно уменьшилась. Видимо Моррис решил потихоньку заканчивать с

возлияниями, и Мотидзуки так и не мог для себя решить - хорошо это или плохо. С одной стороны он уже и так выпил больше своей нормы, а с другой, он не знал, что будет, когда эти посиделки закончатся. Скорее всего ему суждено было упасть на диван и крепко уснуть, но червячок сомнений, когда он начинал об этом думать, подтачивал и вызывал вопрос, что делать если этого не произойдет?

- Сомневаюсь, - ответил Тору на предположение Морриса о своем отце. - Я, начиная со своего рождения, которого никто не ждал, был единственным элементом не вписывающимся в его идеальную продуманную систему. Хотя все это уже неважно. Я все равно никогда уже не узнаю, что именно он думал на мой счет и что чувствовал, когда говорил, что нас с ним больше ничего не связывает.

Очередной опустошенный стакан опустился на стол с таким звуком, словно Тору непроизвольно хотел разбить его о гладкую поверхность столешницы. Мотидзуки даже и не знал, что бесило его больше: то, что отец за всю свою жизнь так и не удосужился понять его позицию или то, что ушел до того, как у них появилась возможность еще хоть раз с ним поспорить.

Моррис Фернандес

Громкое приземление стакана о столешницу дало Моррису понять, что, вероятно, стоит завязывать с распитием спиртных напитков. Он почувствовал лёгкое головокружение и удивился - обычно он не пьянел так быстро и с такой незначительной порции. Они сидят всего полтора часа, но разговоры за этим столом очень тяжёлые и атмосфера неприятная. Моррис понимал, что не смог как-то разгрузить душевное состояние своего собеседника, сделать разговор весёлым, позволив Тору хоть на какое-то короткое время забыть о том, что сейчас у него на душе. И от этого Фернандесу было не очень комфортно. Он глубоко вздохнул и встал из-за стола. Направился к холодильнику и заглянул в него. Хмыкнул. Вернулся и посмотрел на собеседника.

- Я так понимаю, все мужчины в этом одинаковы, вечно, когда нет женщины в холодильнике царит пустота. Вроде и готовить люблю, и даже умею, а вот не получается готовить для себя, - он усмехнулся и взял бутылку. - Ты ещё будешь или тебе уже хватит? А по поводу твоего отношения с отцом... думаю, если тебе будет грустно, плохо и не с кем поговорить, то я выслушаю и постараюсь дать совет. Я тебя понимаю.

Он налил себе виски и залпом выпил содержимое стакана. Что же, завтра будет весёлый денёк, приедет Яреци и, судя по всему, устроит им разнос.

Тору Мотидзуки

К звонкому удару стакана о стол добавился неприятный шум в ушах, намекающий, что пора потихоньку завязывать с творящимся безобразием. Не получался из него заправский алкоголик, да и просто любитель горячительных напитков. А терять перед Моррисом лицо, без того сейчас не слишком радующее глаз, Тору совсем не хотелось.

- Пожалуй, мне уже хватит. Я уже и так изрядно нагрузил вас своими проблемами, так что не хотелось бы добавлять к ним еще и перепившего гостя.

Тору резко поднялся и почувствовал, что его ноги стали подозрительно нетвердыми, что только подтверждало правильность принятого решения. Конечно, они могли продолжить в том же духе и допить вторую бутылку, но, пожалуй, в этом случае самостоятельно подняться из-за стола он бы уже не смог.

- Спасибо вам за все, Моррис. И... Спокойной ночи.

Тору развернулся и вышел из комнаты, стараясь чтобы его походка со стороны выглядела ровной, хотя временами ему так и хотелось пошатнуться в ту или другую сторону. Дойдя до гостиной, он снова мысленно поблагодарил Морриса за предусмотрительность, благодаря которой диван был уже готов к тому, чтобы на него приземлилось подвыпившее тело. Первым порывом Тору было лечь, как и положено нормальным людям, сняв лишнюю одежду и укрывшись одеялом, но в итоге его старания закончились провалом. Так ничего с себя и не сняв, Тору завалился, в чем был, поверх одеяла. И пусть еще недавно он боялся этого момента, не испытывая уверенности, что сможет сразу заснуть, высшие силы, воплотившиеся на этот раз в виски, сжалились над ним и на время отключили его сознание, погружая в глубокий сон.

Моррис Фернандес

Мужчина понимающе кивнул и закрыл бутылку. Тору поблагодарил его за все и отправился спать. По его нетвердой походке было ясно, что они закончили возлияние вовремя. А то, судя по всему, Моррису бы пришлось помогать Тору идти до дивана. И ведь они могли не дойти. Моррис усмехнулся, представив лицо Яри, если бы так и случилось, и они бы вдвоем с будущим зятем рухнули где-нибудь по пути в комнату и отрубились бы в обнимку.

Ему показалось, что он смеется слишком громко, и он решил последовать примеру будущего зятя и тоже отправиться спать. Он встал со стула и поставил стаканы в мойку. Посмотрел на бутылку и, не отдавая себе отчет что делает, открыл ее и сделал еще пару глотков. Поставил ее обратно и ушел в свою комнату, по пути заглянув в гостиную. Тору, оказалось, изрядно напился, так что даже не смог снять с себя одежду. Моррис покачал головой, принес плед из спальни дочери и заботливо укрыл его. Нехватало тому еще замерзнуть и заболеть.

Он вошел в свою комнату и сел на кровать. Но, думая, что сейчас встанет и разденется, также завалился спать в одежде...
